

Глава 2.1: Признание Злодею

Нин Цзяю инстинктивно повернулся к человеку, на которого он указал. Столкнувшись с его холодным и суровым взглядом, он сразу почувствовал, как по сердцу пробежал холодок.

Мужчине было около тридцати лет, он сидел в черном костюме, откинувшись на спинку инвалидного кресла с безразличным выражением лица. Его красивое лицо было окутано холодом, и люди вокруг него сознательно держались на расстоянии, словно боялись его до глубины души.

Его густые, похожие на вороново перо ресницы медленно приподнялись, и в его темных глазах мелькнула насмешливая улыбка.

— Я? — спросил мужчина, его голос был глубоким и магнетическим, неся в себе привычную для вышестоящих авторитетность и одновременно забавляясь.

Во время своего поспешного взгляда Нин Цзяю не разглядывал внимательно человека в инвалидном кресле, он просто указал наугад. Каждый член семьи Янь был злодеем, так что даже если кто-то и пострадает из-за него, невинным он не будет.

Но, видя, как все теперь, кажется, боятся даже громко дышать, он, вероятно, нарвался на "железную плиту" (встретил сильное сопротивление или столкнулся с очень сложной ситуацией/противником).

Нин Цзяю колебался между полным отрицанием и стискиванием зубов, чтобы признать это. Заметив, что насмешка в глазах мужчины постепенно становится зловещей, словно материализуясь в осязаемую атаку, направленную на него, его инстинкт самосохранения заставил его выпалить: — Да, Вы мне нравитесь!

Всем нравится слышать лестные слова. Изменить свой рассказ сейчас было бы равносильно пощечине этому человеку, поэтому он мог только продолжать этот ошибочный путь.

Смертоносный взгляд, который уже был готов пронзить Нин Цзяю, остановился. Мужчина откинулся в своем кресле, его выражение лица было высокомерным. — Ты знаешь, кто я?

— Любовь с первого взгляда не требует знания имени, — сказал Нин Цзяю, его инстинкт самосохранения сработал на полную. Он никогда не представлял, что он, стальной гетеросексуал, холостой с рождения, будет публично признаваться в любви другому мужчине.

Лицо Янь Тяньхао побледнело. Он сказал Нин Цзяю подавленным, сердитым голосом: — Прекрати нести чушь! Это мой третий дядя!

Нин Цзяюй оцепенел.

Я только что признался Янь Шо, супер-злодею этой книги!

Я просто невероятно крут!

В оригинальной истории Нин Цзяю погиб от рук Янь Шо. Вспоминая тот кровавый конец, Нин Цзяю сильно вздрогнул.

Предполагалось, что это будет легкий режим: отменить помолвку, держаться подальше и жить спокойной жизнью. Но он просто должен был ляпнуть лишнее и спровоцировать Янь Шо, в одиночку превратив режим выживания в адскую сложность.

Мгновение назад он думал, что взгляд злодея был просто холодным. Теперь же Нин Цзяю чувствовал, что Янь Шо явно обдумывает, как бы его убить.

В оригинальной истории Янь Шо бросил Нин Цзяю акулам. Прямо сейчас, возможно, великий злодей придумал какую-то новую идею.

Нин Цзяю ломал голову, пытаясь спасти свою жизнь. Внезапно Бай Тун заговорил обиженно-жалобным тоном: — Цзяю, перестань нести ерунду. Как ты можешь просто так приплетать Третьего дядю, чтобы отомстить Тяньхао?

Как раз, когда Нин Цзяю собирался защищаться, первым заговорил другой недовольный голос: — Кто твой «Третий дядя»?

Янь Шо даже не взглянул на него, но один его крайне холодный голос заставил Бай Туна замолчать, тот опустил голову, как испуганный олененок.

Янь Тяньхао не мог не защитить своего возлюбленного: — Третий дядя, Бай Тун — мой парень, рано или поздно...

— Зарегистрировали брак? — спросил Янь Шо.

— Ещё нет, но рано или поздно...

— Если нет, то заткнись. — Янь Шо просто не дал ему закончить фразу, его голос был спокойным, но холодным.

Янь Тяньхао был возмущен, но на самом деле не осмелился издать больше ни звука.

Нин Цзяю тайно поаплодировал Янь Шо в душе и решил сначала разобраться с Бай Туном.

Он сказал Янь Шо с искренним выражением лица: — Мы с Янь Тяньхао давно расстались, нам осталось только официально подписать документ о расторжении помолвки. Моя симпатия к Вам была порывом, которому я не смог противостоять, и это также было моим преувеличением своих возможностей. Если бы Бай Тун не заставил меня, я бы похоронил эту привязанность в своем сердце. Это чувство — моя собственная безответная любовь, оно не имеет к Вам никакого отношения, и Вам не нужно мне отвечать.

Он и снял с себя обвинение в переключении привязанностей, и оставил Янь Шо совершенно непричастным. Его слова были красиво произнесены, и Нин Цзяю не мог не аплодировать себе мысленно.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут сзади прозвучал дьявольский голос.

— Подожди, — холодно сказал Янь Шо.

Чёрт побери!

Я уже настолько унизился, а Янь Шо всё равно отказывается меня отпустить!

Нин Цзяю обернулся с несчастным выражением лица: — Я не буду нарушать Вашу жизнь...

Бай Тун снова нагнетал обстановку жалостливым тоном: — Если бы ты действительно не собирался нарушать покой Третьего... Учителя, ты бы не стал специально говорить эти вещи, чтобы обмануть его.

Нин Цзяю остерегался ауры протагониста Бай Туна и изначально не хотел иметь с ним ничего общего. Но Бай Тун продолжал его раздражать, и он не смог больше этого терпеть: — Только что ты настаивал, что у меня есть кто-то, кто мне нравится. Теперь, когда я сказал, кто это, ты утверждаешь, что я несу чушь. Тогда скажи мне, кто именно мне нравится?

Бай Тун мямлил: — Откуда мне знать, кто тебе нравится...

Нин Цзяю воспользовался своим преимуществом: — Ты не знаешь, но при этом несешь здесь чушь? Просто потому, что другие тебе верят, ты считаешь их дураками, чтобы обманывать?

Лицо дурака Янь Тяньхао стало несколько неприятным: — Нин Цзяю, перестань нести чушь!

— Всё, что я сказал, — это правда. — Нин Цзяю бросил на него гневный взгляд. Заметив, что Янь Шо всё ещё смотрит на него, он решил сначала сбежать.

То, что он толкнул кого-то в воду и расторгнул помолвку, — не самые почетные дела. Их определенно нельзя было обсуждать перед гостями. Присутствующие, вероятно, были членами

семьи Янь.

В семье Янь было много потомков. Хотя конгломерат Янь в настоящее время контролировался Янь Шо, старый мастер Янь был ещё жив, и Янь Шо проявлял уважение только к нему.

Старый мастер Янь был одет в ярко-красный, праздничный Танский костюм, сидел на диване с нахмуренными бровями, явно очень недовольный сегодняшними событиями.

Нин Цзяю неуверенно сказал ему: — Старый Мастер, я сказал всё, что мог, и подписал документ о расторжении. Могу я теперь уйти?

Старый мастер Янь подозрительно посмотрел на него.

Разница в Нин Цзяю до и после была слишком велика. Если бы это не происходило прямо у него под носом, старый мастер Янь заподозрил бы, что это другой человек.

Гости, присутствовавшие на праздновании дня рождения, находились в парадном зале. Если бы это дело раздули, лицо потеряла бы, безусловно, семья Янь.

<http://bllate.org/book/12812/1130338>